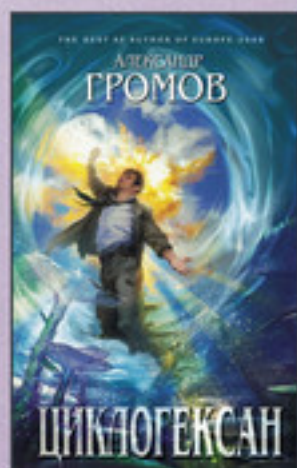

Александр Громов

Глина Господа Бога

*Часть сборника
Циклогексан (сборник)*

Александр Громов
Глина Господа Бога

«ЭКСМО»

2000

Громов А. Н.

Глина Господа Бога / А. Н. Громов — «Эксмо», 2000

«Нет участи хуже, чем подавиться за обедом. Это я вам точно говорю. Почему?
Потому что знаю...»

© Громов А. Н., 2000

© Эксмо, 2000

Александр Громов

Глина господа бога

Нет участи хуже, чем подавиться за обедом. Это я вам точно говорю.

Почему?

Потому что знаю.

Само собой разумеется, на свете существует великое множество иных опасных неприятностей, на своем мегавеку я повидал их предостаточно. До сих пор вздрагиваю, вспоминая, как во время Большого землетрясения прямо под моими ногами разверзлась трещина – та самая, которая позднее превратилась в Атлантический океан, – так что мои задние ноги остались попирать большой из кусков разломившейся Лавразии, а передние конечности устремились на запад вместе с Новым светом... словом, не обхвати я тогда хвостом ближайшую секвойю, худо бы мне пришлось. В ту эпоху хвост был полезным эволюционным приобретением, в чем я неоднократно убеждался на практике. Теперь-то, конечно, все иначе.

Но я отвлекся.

Помимо землетрясений мало радости доставляют также ураганы, удары молний (для очень высоких существ), лесные пожары, ледниковые периоды, всемирные потопы, а также падения астероидов и кометных ядер более десяти километров поперечником. Трудно рассчитать так, чтобы не оказаться в ненужном месте в нужную минуту. Что до войн новейшего времени, то есть начиная примерно от Рамзеса Великого, то они хуже всех пережитых мною вулканических извержений, вместе взятых. Я уже не говорю о современных самодавящих и саморасчленяющих транспортных средствах и иных новомодных напастях, к которым не успеешь толком приспособиться, как – р-раз! – и приспособливаться уже не надо, да и некому. Но хуже всего, повторяю, подавиться за обедом, особенно если поблизости нет никого, готового хлопнуть тебя по спине. С одной стороны, эта смерть далеко – и очень далеко! – не мгновенная, с другой стороны, природное естество не успеет прийти тебе на помощь. Ему, естеству, для этого требуются не секунды и даже не минуты – дни и недели.

Само собой, только для мелких трансформаций. Для крупных – больше.

Поубивал бы тех, кто любит болтать за обедом, да еще обращается при этом ко мне! А уж любителей рассказывать за столом анекдоты, особенно смешные, я бы судил по всей строгости за покушение на убийство при отягчающих обстоятельствах и приговаривал бы к ампутации языка. «Когда я ем, я глух и нем!» – думаете, с чьей подачи придумано и пошло гулять по свету? С моей! А много ли толку? Очень жаль, что нельзя заставить болтунов принимать пищу с кляпом во рту.

Один из таких типчиков, достойный того, чтобы к его языку привязали пудовую веригу, как раз сидит напротив меня с супругой и переводчиком и не столько жует, сколько расточает комплименты еде, напиткам, обстановке, русскому гостеприимству и черт знает чему еще, переводчик уже вспотел, поспевая за ним, а мне каково? Не всякий раз можно отделаться обязательной улыбкой, иногда надлежит ответить, а то и предложить тост. Не-на-ви-жу!

Не то беда, что мне приходится скрывать свое знание ста семидесяти языков и наречий, признаваясь во владении лишь двумя-тремя, а то беда, что я боюсь за свою жизнь. Двуногим эфемерам, обильно расплодившимся за последние несколько тысяч лет, и то случается задохнуться, отправив не в то горло кусок пищи, – это с их-то ничтожным периодом жизни! Попробуйте пожить с мое – я очень удивлюсь, если страх подавиться пищей не вытеснит из вашего подсознания все остальные страхи после миллиона-другого прожитых лет. Землетрясения и покушения на президентов случаются куда реже, чем застолья. Теория вероятностей против меня. Иной раз и хотел бы уклониться, да нельзя – регламент.

Он опять болтает... Господи Боже!

Слушаю с любезной миной. Кусочек севрюжьего бока великолепен – но обожду жевать. Пусть сам подтает во рту, а потом я его сглотну быстренько.

Главное – улучшить момент.

Оп! Сглотнул. Вовремя. Пожалуй, повременю втыкать вилку в следующий кусок...

Нет, все-таки человек – парадоксальное существо. Если он, как я думаю, всего лишь желудок, который в процессе эволюции обзавелся руками, ногами и мозгами с целью облегчить свое наполнение пищей, – так и наполнял бы на здоровье! Но молча. Не-е-ет... Мозг мешает. Избыточен. Кто много о себе понимает, тот всегда мешает другим.

А ведь было, было счастливое время одних только желудков! Сам-то я, понятно, этого не помню, поскольку и у меня тогда не было мозгов, а были лишь две клеточных стенки – внешняя и внутренняя. Мешок. Желудок в чистом, неиспорченном виде. А с ресничками, нагнетающими воду, – уже примитивное кишечнополостное существо, не хуже и не лучше других. Вот с ресничек-то, боюсь, все и началось... Но разве я виноват, что они выросли?! Разве я хотел этого? В то время мне и хотеть-то было нечем...

Признаться, не я додумался до мысли о том, что у Господа Бога были под рукой два сорта глины, – это сделал один из моих родственников еще во время, впоследствии прозванное эфемерами пермским периодом. Распустив на утреннем солнышке колючий наспинный веер и неодобрительно косясь на приближающуюся тень от гигантского хвоща, родственник изложил мне свою теорию.

– Самосохранение живой материи – величайшее из эволюционных приобретений, не так ли? – лениво размышлял он вслух, а я соглашался, брезгливо рассматривая других греющихся диметродонов, явных эфемеров и нам не конкурентов. – Теперь рассмотрим два пути, которыми могла пойти природа. Путь первый: наделить живое существо практическим бессмертием и пластичностью, позволяющей существу изменяться в течение всей жизни, в идеале бесконечной, приспосабливаясь к давлению внешних обстоятельств. Таким образом, самосохранение обеспечивается тут на уровне особи. Путь второй: ограничить срок жизни существа ничтожной величиной, – тут и он покосился на эфемеров, – зато обеспечить им случайную и сугубо избыточную изменчивость в потомстве. Случайную, понимаешь! Я уже не говорю об их идиотской половом размножении и совершенно безумной плодовитости. Тут самомохраняется не особь, а племя, вот потому-то эфемеры столь многочисленны, не то что мы...

И он рявкнул на эфемерную мелюзгу, совершавшую робкое поползновение заползти погреться на солнечный склон дюны, уже занятый нами. Обрушивая песок, мелюзга в панике ссыпалась вниз и булькнула в болото.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.